

ЩОДЕННИК (ФРАГМЕНТИ)

(Підготовка до друку, передмова та коментарі З. Кудрявцевої).

Хоч українська фольклористична наука й багата ґрунтовними дослідженнями, проте залишається чимало діячів, які зробили вагомий внесок у розвиток вітчизняної культури, але на сьогодні відомі хіба що вузькому колу, фахівців.

Поза увагою дослідників залишається постать добре знаного і шанованого серед своїх сучасників етнографа, фольклориста, поета, одного з перших редакторів газети «Черниговские Губернские Ведомости» Олександра Васильовича Шишацького-Ілліча (1828—1859). Він належав до того покоління збирачів та дослідників української народної творчості, розквіт життя і діяльності яких припав на 50—60-ті рр. XIX ст., чії життєві та творчі долі були тісно пов'язані з Черніговом і Чернігівщиною. Проживши непомірно коротке життя, О. Шишацький-Ілліч зумів залишити по собі помітний слід на ниві вітчизняної фольклористики. Його творчі здобутки були належно оцінені такими вченими, як П. Куліш, М. Білозерський, О. Лазаревський, О. Маркович, О. Метлинський.

О. В. Шишацький Ілліч народився 1828 р. у с. Красилівці Козелецького повіту Чернігівської губернії.

Його батько, Василь Іванович, був священиком при Покровській церкві цього ж села.

Мати, Євдокія Григорівна,¹ попівна за походженням, доглядала за дітьми. За короткими документальними відомостями нами встановлено, що у Сашка було двоє старших братів (Микола та Іван)² і сестра Марія, хоча точних відомостей про сім'ю Шишацьких не маємо.

Приблизно 1835 р. родина Шишацьких переїхала до містечка Олишівки Козелецького повіту, яке майбутній фольклорист вважав своєю «малою батьківщиною», дослідженню історії виникнення і розвитку якого присвятив одну із своїх найґрунтовніших праць.

Початкову освіту Олександр здобув у приходській школі. 1847 р. він вступає на богословське відділення Чернігівської духовної семінарії, яку успішно закінчив 1849 р.³ Ще будучи студентом, юнак переймається проблемами фольклору, долучається до збирацької роботи, захоплюється історичним минулим свого краю. Приїжджаючи «на вакації» додому, він старанно записував легенди, перекази, казки, пісні, колядки, щедрівки, загадки, прислів'я та приказки, чітко занотовував те, чому загрожувало забуття.

О. Шишацького-Ілліча, як і багатьох синів священиків, чекав звичайний шлях поповича, але він не приваблював юнака, оскільки суперечив його внутрішнім переконанням.

Після смерті батька 1852 р. Олександр поступає на службу до Чернігівської палати окружного суду, а згодом працює на різних посадах у губернському правлінні.⁴

З 1855 р. О. Шишацький-Ілліч обіймає посаду редактора газети «Черниговские Губернские Ведомости», де вмщував свої статті, починаючи з 1851 р.⁵ Завдяки старанням молодого редактора, який зумів згуртувати навколо себе однодумців, газета збагатилася матеріалами з фольклору та етнографії, нарисами про історію сіл і містечок Чернігівщини, старовинними юридичними актами тощо. Саме за роки редакторства О. В. Шишацького-Ілліча «Черниговские Губернские Ведомости» досягли апогею свого розвитку.

На формування національної самосвідомості фольклориста, становлення його як вченого значний вплив мали П. Куліш, М. Білозерський, С. Ніс. Завдяки їх настановам О. Шишацький-Ілліч щиро взявся до науки про рідний край, вивчаючи історію та етнологію не тільки по книжках, а безпосередньо спілкуючись з народом, намагаючись проникнути у глибину народної мудрості. В одному з монастирів він віднайшов рукопис віршів «українського стихотворця времен Мазепы» Климентія Зіновієва, який оприлюднив П. Куліш. Фольклористична концепція О. Шишацького-Ілліча сформувалася на основі польових записів, які він проводив у Козелецьком у та Ніжинському повітах.

Якщо перші публікації у «Черниговских Губернских Ведомостях» були позначені аматорством, почати носили описовий характер, то подальші роботи відзначалися аргументованими коментарями, науковими твердженнями, спробами вирішення тієї, чи іншої проблеми фольклористики. На шпальтах згадуваної газети одна за одною з'являються статті, у яких молодий дослідник торкається мовних проблем повіту, класифікації «малороссийских сказок», замовлянь тощо. Зібраний матеріал він не тільки друкує на сторінках газети а й надсилає Кулішеві, Метлинському, Галаганові,⁶ видає окремими книжками. Та найбільшим здобутком О. В. Шишацького-Ілліча як фольклориста був «Сборник малороссийских пословиц и поговорок», видрукуваний у «Черниговских Губернских Ведомостях» (1857, №№10—15), а згодом — окремою книжкою з однойменною назвою. Збірник був вагомим внеском у фольклористичну науку.

Свого часу О. Лазаревський писав: «Сборник г. Шишацкого — полнейший из всех доселе изданных... полнее сего сборника мы не имеем»⁷. Матеріали, зібрані О. Шишацьким-Іллічем, поміщали у своїх збірниках П. Куліш, М. Драгоманов, В. Антонович, О. Метлинський, О. Маркович, І. Рудченко, Б. Грінченко та ін.

Це була надзвичайно обдарована і вкрай самокритична особистість. Здобувши ґрунтовні знання у семінарії, майбутній поет все ж вважав, що «мало образован и развит», а тому постійно займався самоосвітою. Він зачитувався творами О. Пушкіна, М. Лермонтова, М. Гоголя, Т. Шевченка. «Ужасный роман с его правдою и холодом жизни», — так визначення дав О. Шишацький-Ілліч прочитаному ним роману О. Пушкіна «Євгеній Онегін». Однак зауважимо, що не все, сказане автором щоденника, слід сприймати беззастережно. Варто зауважити на той душевний і фізичний стан, у якому на тоді перебував фольклорист. Доля талановитого вченого і літератора була трагічною. Прогресуюча хвороба (сухоти) надломилася його, не дала змоги повністю реалізувати творчий потенціал, а тому О. Шишацький-Ілліч поспішав і жити, і тво-

рити. У житті він був одинак, і від цієї самотності страждав неймовірно. Стосунки з діячами культури в основному підтримував листовно. Серед його дописувачів були О. Лазаревський, М. Білозерський, П. Куліш, Г. Милорадович, Д. Мордовцев, М. Гатцук, С. Ніс, І. Кулжинський, П. Єфименко, Л. Глібов, В. Круглевський, Ганна Барвінок. Змучений душевно і фізично, фольклорист знаходив втіху у роботі, яку цінував понад усе, та коханні до Тетяни Пилипівни — доньки козелецького священника. Саме їй присвячено чи не найкращі сторінки щоденника, саме вона надихала поета на створення другої книжки «Української квітки». З листопада 1857 р. вони одружилися. Молоде подружжя Шишацьких знімало квартиру у поміщика Зайця. Матеріальна скрута не дозволяла придбати власне помешкання, про яке так мріялося обом.

Окрім редакторської та Дослідницько-збирацької роботи, вчений-фольклорист пробував свої сили у поетичній творчості. 1856—1857 рр. виходять його перша та друга книжки поетичної збірки під назвою «Українська квітка». Автор одержав схвальні відгуки від багатьох авторитетних і шанованих у літературі та науці людей, зокрема Л. Глібова, Г. Галагана, Д. Мордовцева та ін., хоча віршами особливо був не задоволений, вважаючи, що «крепко поспешил» з їх друком. Іноді О. Шишацькому-Іллічу дорікають у наслідуванні Т. Шевченка, однак ймовірініше, що віршувати він почав під впливом ліричних пісень, яких записав «може тисяч зо три», а вірші були виявом того болю і жалю, які переповнювали молоду душу поета.

Будучи хворим, він не полишав працювати над упорядкуванням зібраного матеріалу, мав намір видати «поповнений збірник приказок і опублікували товстенний зошит народних пісень»,⁸ відчував у собі запас творчих можливостей.

Та найзагтовітнішою мрією О. В. Шишацького-Ілліча було створення у Чернігові «хоча б маленької публічної книгареньки», для якої він з таким задоволенням добирав літературу і на «останні гроші дбав собі книжки».⁹

Помер О. В. Шишацький-Ілліч 18 лютого 1859 р. у Чернігові. Він не зміг розкритися до кінця як дослідник і як вчений, бо прожив усього 31 рік, але його праці залишаються актуальними, фольклорно-етнографічна спадщина заслуговує на визнання і ґрунтовне вивчення.

Сподіваємося, що публікація фрагментів щоденника О. В. Шишацького-Ілліча не тільки доповнить наші знання про життєву і творчу долю цієї непересічної особистості, а й розширить картину тодішнього суспільного життя у Чернігові та навколишніх селах.

Віднайдений нами рукопис щоденника О. В. Шишацького-Ілліча зберігається у фондах Чернігівського історичного музею ім. В. В. Тарновського. Він являє собою книжку в картонній обкладинці чорно-зеленого кольору, корінець та зовнішні куточки якої облєєні коричневим папером. На зовнішньому ббці Обкладинки ніяких записів немає. Штамп «Ч. Д. М. кн. вступу № 22775», що знаходиться на внутрішньому боці обкладинки, дозволяє припуститися думки, що рукопис щоденника надійшов до фондів музею⁹ десь у 20-х рр. нашого століття (Державним музей став, з 1923 р.). Рукопис щоденника нараховує 156 сторінок, пронумерованих автором. Зауважимо, що між 146 і 149 сторінками нумерація порушена. Між 22 та 23;сторінками вирвані аркуші (очевидно, самим автором), бо текст правильно переходить з однієї сторінки на іншу. Записи велися з 1-го січня по 23 листопада 1857 р. час від часу.

Матеріал і подаємо мовою, оригіналу, дотримуючись правил сучасного російського правопису. Усі фонетичні та стилістичні особливості рукопису збережено. Нерозбірливо написані слова позначаємо значком (?), пропущені місця у тексті — ().

* Числа та місяця народження О. В. Шишацького-Ілліча встановити не вдалося.

Джерела та література:

1. Державний архів Чернігівської області. — Ф. 679. — Оп. 2. — Спр. 2551.
2. Там само. — Ф. 679. — Оп. 2. — Спр. 3870.
3. Там само. — Ф. 682. — Оп. 1. — Спр. 60.
4. Там само. — Ф. 127. — Оп. 3-а. — Спр. 117.
5. Там само. — Ф. 127. — Оп. 1. — Спр. 4413.
6. Катря Балашівна (До історії українсько-руського письменства // Зоря, — 1888, — №№ 13—14. — С. 27.
7. А Лазаревский (Литературная летопись) // «Черниговские Губернские Ведомости», — 1856, — № 47.
8. Катря Балашівна (До історії українсько-руського письменства // Зоря, — 1888. — №№ 13—14. — С. 27.
9. Там само.

Канун Нового года.

Вечер.

Вчера вечером я оставил дом. (?) первый праздник мне особенно было грустно. Я лег на диване, взял книгу, чтобы читать, но читать как-то не хотелось. Я начал зевать... комната была тихая, без шума, без всякого стороння, о звука; на дворе тоже была глубокая тишина и темь, у меня сделалось еще тяжелее на душе; душа моя хотела делиться всем в эту минуту с кем-нибудь, но я был один, **мне не с кем и подумать было.** (). Только маятник часов однообразно качался то в одну, то в другую сторону по стене и еще больше наводил тоску на душу своим однообразным чоканьем в этой глубокой пустоте. Мне стало крепко жаль чего-то я пожелал в это время иметь у себя доброго друга, с которым бы поделился моею непонятною грустью, но его не было; я перенесся к прошлому, наглядно пробежал (?) и остановился на Татьяне Филипповне.¹ Она всегда останавливает полет моей мысли, когда я мечтаю один, или воспоминаю прошлое. Она как-то резко прошла по моей душе — и эти следы ее не изглаживаются у меня. Я ее хотел бы любить и любить, кажется, уже вечно. Я положительно решаюся избрать ее другом в жизни и, кажется изберу.

5 Генваря.

Суббота.

Я кончил роман В. Крестовского «Испытаніе».² Он мне понравился. Некоторые характеры в нем хорошо выдержаны, особенно характер Шавровского. Сколько в наше время есть этих характеров: сухих, холодных, безчувственных, которые играют всеми в свете, как куклами, особенно там, где видят, что это им по силам; этого характера не тронет ни высокое святое чувство привязанности, ни чужая бедность и страдания, ничто другое подобное, эти характеры всегда веселы, хладнокровны и похожи на автоматов, которых можно ворочать, куда вам угодно и как вам угодно; впрочем, у них бывают и добрые начала, только эти начала трудно поднять и заставить их действовать так, как нужно бы действовать. Прочія лица в этом романе тоже хорошо выдержаны.

Мне пишет Кулиш — почему я не посоветовался с добрыми людьми—приступил печатать мою «Квитку».³ Странно! С кем бы я мог советоваться? Кто у нас есть такой? Я никого не знаю! Положим сам Кулиш: но он так занят, что я считал для себя безсовестнаго беспокоить его этими моими мелочами. Впрочем, крепко теперь жалею, что я в таком виде напечатал Квитку. Я и сам ею не доволен. Я поспешил и еще крепко поспешил, а с такими вещами спешить бы не надо, пускай бы она полежала да выждала себе лучшей доли; она должна решительно упасть, и упадет в первом издании, знаю! — Жаль! — — —

(). Без Тани я скучаю страшно. Дай Бог, чтобы она была моею. Ее участие во всем моем деле крепко радует меня, и мне нравится. Это первая женщина с таким участием ко мне.

Квитки моей я никак не кончу.⁴ Немного, правда, поканчивать остается, но не приходит никак фантазія. Это ужасно. Все думаю про Таню да мечтаю об ней... Хочется поехать в Козелец к Тане, да не знаю, позволят ли обстоятельства и дорога. Когда бы снег не растаял.

Как бы мне хотелось любить Таню. Чего бы, кажется, я для нее не сделал, чем бы не пожертвовал. Отдал бы ей все, отдал бы себе во всем. Порою поглядишь на свет, и все в нем кажется так пусто, особенно в отношеніи человека, ведь у меня нет ни одной души, перед которою бы можно было говорить откровенно, видеть

участіе его без подделок (?); есе это чужіе, частію льстецы, частію интересные, а частію даже завистники. Нет с кем поделиться словом, разбавить горе, одиночество, подумаешь себе обо все этом — и на сердце тоска загризет еще пуще прежняго. Жалкое положеніе! Слава богу уже 29-й год, а поглядишь — что сделал хорошого в жизни?! Чем заметно шагнул перед міром?! — Ничем, славно ничем и ничего! Только видишь безобразные следы, остатки комедіи, которую играл в свете, сам не понимаю, чем увлекаюсь. Надоела мне эта жизнь буйная, холодная, неподельчатая, жизнь халастого человека, который равнодушно глядит на все благородное и святое (?) и сам себя хочет обмануть в своем ошибочном взгляде на жизнь, на людей и на вещи, должно же когда нибудь придти в душу сознание своего ложного взгляда на свет и людей, и отвращеніе к одиночеству, против которого стоят только люди прубые, недобрые и легкіе характером; придет, говорю, эта отрадная пора на душу, но она иногда приходит тогда уже, когда поздно бывает исправлять дела.

На днях я получил похвалу себя, или приятный отзыв из Петербурга от Г. Поды (Статский советник и значительное государственное лицо) касательно моей «Квитки». Олесею⁵ моею он увлекаюсь (?), особенно понравилась ему сила чувства украинца и его возвышенность. Радуюсь за этот отзыв. Сегодня тоже пишет мне Галаган (Григорий Павлович) из Кіева, что «Квитку» он прочитал с величайшим наслажденіем, и что надпись «Перша книжка» дает ему повод думать, что будет и продолженіе этих «прекрасных трудов». Он обещал выслать мне экземпляр песен,⁶ которые готовятся к выходу в свет. Кончаю я и другу книжку Украинской Квитки. Боюсь только, чтоб Маркевич⁷ в Кіеве не дуже поцарапал ее, нужно будет попросить об этом Галагана.

— Оканчиваю другую книжку Квитки. Позвольте посвятить эту книжку вашему (Татьяне Филипповне — З. К.) имени.

— А, нет, не делайте этого. Я буду сердиться.

— Так хоть же а предисловіи позвольте сделать намек, впрочем неясный.

— Неясный можно.

— Все мелкія стихотворенія будут относиться к Вам.

29-е Февраля.

Пятница.

Вчера я первый раз в моей жизни прочитал «Евгенія Онегина».⁸ Сколько опыта в этих мыслях автора, сколько истин, которые разочаровывают сердце и убивают надежды, отравляют сладость жизни, выводит Пушкин пред очи каждого. Ужасный роман с его правдою и холодом жизни. Прочитавши его, я сделался крепко скучным; мне стало грустно, крепко грустно, я был как будто подавлен и уничтожен (?). Я почти поверил, что в жизни нигде и ни в чем нельзя найти услады и разбавы (?); я оправдывал автора в том, что в свете нет друзей, что друзья тоже враги, а когда нет Дружбы в свете, значит нет ни радости, ни упоения в душе. Тяжко поковеркалась моя душа при таких верованіях во взгляды Пушкина, а веровать нужно было, потому что опыт не делал возраженій. Прочитать «Онегина» — все равно, что пережить целый век; в нем всего и всего можно найти, что безотрадно цепляет Душу, царапает ее — и этих царапаній не врачует, а еще более растревляет. Роман «Евгеній Онегин» — это книга опыта, холодная, заставляющая сколько-нибудь добрую душу горько плакать, как сироту, как чужую в свете на добрый, чистосердечный зов которой ничто не отзывается И не может отозваться, а если и отзывается, то под личиною. Этот роман Пушкина, говорю, — ужасная правда!

Читавши и прочитавши его, я крепко задумался, и уже жалел, что я его так рано прочитал. Его нужно читать в 50-т или 60-т лет. Советую вам, мои красавицы, если только которая-нибудь из вас создана с добрым сердцем и еще не испорчена причудами света, не читайте этого романа в молодых летах. Иначе будете разочарованы во всем, что вас так тянет и интересует (?). Не читайте, иначе душу вашу отянет туман отчаянія и безнадежности. Ведь опыт узнавать рано — все равно, что пить отраву, не познавши и полжизни!

Прочитавши Онегина, и я, несмотря, что мужчина, и я разочаровался жізнію, на душу нашла ужасная тоска, ужасная мука в уме стали ворочаться тяжелые думы и горькія, и ужасныя! Я при этом вспомнил и про Таню, ().

Нет, моя душа чем-то больна, я это чувствую. Что новый день, то у меня вновь развивается грусть или же тоска. Мне кажется, что жить на свете — и тяжело, и удушливо, а от чего — и сам не знаю, и понять не умею. Приди смерть — я рад был бы ей. Знаю, что этим желаніем грешу, но я молюсь,⁹ и молитва моя не помогает мне, у меня на душе и после молитвы та же тоска, те же тяжелые думы — то же безнадеежье.

11-е Марта.

Понедельник.

Кончил я свою **Галю простоволосу**¹⁰ и остаюсь ей недоволен. Это поэмка скучная, в целом растянута наскоровыращена и имеет много мелких, незаметных и неинтересных мыслей, даже выражения некоторые следовало переменить. Нужно бы подержать ее, да переделать разказы, но мне надо спешить — нужны деньги. Что эти деньги делают?! Торгашество!----

Приобрел еще деньги на третій экземпляр «Черной Рады». Я рад, что имею случай услужить Кулишу.

1838 года Генваря 11 дня в 10-м часу пополудни было чувствуемо в Чернигове сильное землетрясение.

18 Марта.

Понедельник.

Получил вчера письмо от Владимира Круглевекого¹¹ из Кіева, где он пишет, что Должников обещал выслать деньги за проданный им мои книги, а книгопродавец Литов изъявил желане получить «Квитки»... 30 экземпляров.

Другую книжку Квитки сегодня посылаю в комитет Кіевский.

21-е Марта.

Четверг.

Мне сегодня снилась моя мамаша, и будто я был в Красилровке. Что-то снилось и про папашу (?), не мог запомнить сна.

В нашем Чернигове ничего нет такого, что бы можно записать. Иногда разве кто-нибудь из моих знакомых расскажет каламбур, или маленькую историю, совершенно не касающуюся Чернигова, а так себе, общую, но нет охоты записывать ее.

Мне как-то нехорошо на душе. Я и сердит, и скучен, и робой, и нетерпелив. В моем организме какие-то нелады, мне нужно существо, которое бы развлекало эту мою тоску участіем своим и добрым прямодушным разговором, словом, мне нужно быть не одному, а с добрым и милым другом. Я даже одичал.

31-е Марта.

Воскресеніе.

Я сижу дома и никуда не хожу: частью избегая застудить мое уже застуженное горло, которым я страдаю почти каждую осень и каждую весну, частью от лени да от мечтательности. Меня крепко интересует мое будущее. Писать ничего не хочу, правда, разбираю план, чтобы написать что-нибудь порядочное, но нет еще охоты писать, вероятно, потому что не обдумал планов для своих произведений, особенно хочется попытаться написать комедию (?). Комедія может выдти занимательна и интересна. Беда, что нет в нашем городе никого, с кем бы можно было откровенно и с участіем такого лица поговорить о таких вещах.

Советник наш, Калиновский, как-то раз высказывал другим — отчего я не вожусь с некоторыми дельными людьми? Странно! При моем жалованьи и при моих обстоятельствах начать водиться с ними! Как будто это ничего не стоит! Все им кажется легко и возможно, а чужих нужд и людей не знают. Пустячки городят! Не знаю, буду ли я порядочным писакою? Едва ли! Я так мало образован и развит, а кажется, я могу много чего сделать ().

3-е Апреля.

Среда.

(); сегодня ярко светит солнце, небо очищается, каждое дерево не колыхнется ни одною веткою, как будто вслушивается оно в оживленіе природы. Чудо-что не весна. Недаром Гоголь так любил нашу Малороссійскую Весну, что говорил: «дайте мне ее одну — и никого больше я не желаю видеть!».

Я читаю записки Н. В. Гоголя.¹² — Сколько нового чего я нахожу для себя в этом чтеніи, сколько уроков очарованія в методе изображенія Гоголевской речи—чудо, бездна! Дух как-то оживает и просится на деятельность, на труд, тело становится бодрее и свежей. В этой біографіи Гоголя — и Словесность, и Мифологія, и Антропология, и Медицинская загадка в отношеии слабого тела человека с крепким, могучим духом, много чего есть в этой книге. Ее прочитать понимающему делу человеку — все равно, что найти богатый клад, которым, говорю, нужно только уметь пользоваться и уметь извлечь из него себе пользу и пользу.

8-е Апреля.

У меня в 12 часов пополудни был учитель семинарии Никодим, (). Порядки с визитами стоили мне 25 к. серебром, а это, яри-моих финансовых обстоятельствах — потеря значительная. Ведь всего 5 р. сер. только в кармане.

Вечером зашел ко мне семинарист Богуславский. Начали говорить с ним о различных вещах. Наконец он рассказал мне одно странное обстоятельство (не думаю, чтобы это случай), переданное ему одним мужиком.

1. В каком-то уезде или какой-то деревне (?) корова бежала через лес к теленку, и вдруг, где не возьмись, волк (это в глазах самого рассказчика было) и задал корову. Волк не успел еще оторваться от горла коровы, как других пять волков, выбежавших из лесу, бросились на этого волка и разорвали его на куски. Рассказчик, на вопрос: что же этому за причина, ответил, что и у волков есть свой суд. Эти пять волков знали, что корова бежала к теленку и, следовательно, ее нужно было пощадить, вот они и разорвали волка как виновного в несправедливости.

12-е Апреля.

Пятница.

Кулиш мне пишет, что Галаган печатается весь, что цена ему 15 р. сер. и что нужно еще заплатить будет 15, а может быть и больше фунтов при пересылке. Нужно будет не упустить этого издания. Оно, вероятно, будет хорошее, потому что читается под присмотром Кулиша — человека надежного и старательного. Кулиш пишет мне, что он скоро выезжает на два года, но куда, и сам не знает. Просил также доставить ему отзывы читателей его Чорной Рады.

15-е Апреля.

Понедельник.

Вчера я получил письмо от (?) Александра Михайловича Марковича,¹³ в котором он меня просит, чтобы я занялся объяснением прилагаемых малороссийских слов, выбранных (?) для его. Записки эти Маркович думает издать и нуждается в объяснении некоторых непонятных слов. Правда, слова есть очень загадочные и оригинальные.

17-е Апреля.

Суббота.

Вчера я получил письмо от П. А. Кулиша,¹⁴ в котором он уведомляет меня, что посылает мне еще 3 экз. Чорной Рады и 2 том Записок о Южной Руси.

25-е Апреля.

Четверг.

Приехал сегодня ко мне наш губернатор Шабельский.¹⁵ Молодец, и, как видно, прекрасный человек. Дай Бог, чтобы он был добр с нами.

4-е Мая.

Суббота.

Хотите ли развивать способности дитяти? — Давайте ему читать Малороссийские пословицы и вообще народные наши памятники. Хороши для этого все памятники Русские (т. е. Великорусские), но там заметно преобладания только веселья, разгула широкой мысли, а иногда бывают и такие поговорки, каких я неодобряю, например: (),

Коли муж жены не бьет,

Так и мил не живет (народная поговорка).

В Малороссийских же пословицах этого не бывает, в них что пословица, то глубокая мысль, великая истина или высокая доброта сердца.

Если дитя много чего и не поймет в этих пословицах, то все-таки оно может крепко врезаться в его молодом уме и понятии, а после, с годами, дитя само сумеет развить в себе то, что так глубоко запало в его молодую, свежую почву сердца и усвоит все доброе неизгладимо.

22-е Мая.

Вторник.

Я получил от Кулиша письмо, в котором он пророчит во мне хорошего писателя, только советует побольше читать и размышлять. Пишет также, что он будет писать критики, в том числе критику и на мою «Украинскую Квитку», причем обещает не щадить меня. Рад видеть этот суд. Это для меня будет урок — и урок еще (?).

В городе нашем суматоха по случаю съезда дворян для выборов. На каждой улице видишь разнокалиберный экипажи — иногда подновленные, воскрешенные из мертвых или поднятые (?), иногда чуть живее. Лошади часто — клячи, упряжь — веревочная, так что внимательно взглянув на этих приезжих, удивляешься, и думаешь, что они выглянули из (?) или из того света. А лица — то? Лица! Боже мой! Иногда и глядеть грех.----

27-е Мая.

Понедельник.

Я ездил на гуляние к Троицкому монастырю, где под горою каждый год разбирается в этот день трактир: выезжают квасники, пряники, бакалейщики со своими товарами, простой народ со всего города (ремесленники и прислуга со всего города) нанимают там себе музыку и, наряженные до возможности, танцуют, пьют водку и лузгают орехи. Благородные, впрочем, не аристократы, а низший служащий чиновный круг со своими домочадцами и домоправительницами, а кавалеры с девушками выходят в подмонастырской лес (орешник с березой), а там то прохаживаются по мураве, или гуляют по могилкам или кургану, то кушают мороженое, то с края Болдиных гор глядят на гуляющий люд внизу под горою. Вид, правда, и горы вниз — хорош, и снизу вверх — тоже.

Как-то любо глядеть с горы на (?) народ, раскиданный группами по зеленой мураве. Нагоре был и я, и я глядел на народ, и ходил в ореховом леску (?), ходил по курганам, откуда приятно открывается луг с Десною и с озерами, поросшими кудрявою лозою — и все это на расстоянии каких-нибудь пятнадцати или 20 верст; глазу было где разгуляться ().

18-е Июля.

Понедельник.

(). Чего не может быть, особенно в наш XIX век. Загадочный и непонятный век, хоть его и называют положительным. Кой черт он положительный, разве положительно глупый, безбожный, помешавшийся на какой-то Экономической политике, помешавшийся на том, что (?) и частью покори себе природу, а на деле выходит, что природа водит его за нос, и он со своею физикой, астрономиями и теми другими прикладными науками похож на того нищего, что сидит у нас при вратах собора, синяго, нездорового, буйного под чаркою, а на самом деле, в существе — **серая дырявая свита** и больше ничего.

Вот наш XIX-й век — Отвлеченный и XIX-й век наш (?) убогий и голый—присушій, видимый, осязательный, осуществленный ().

Что же такое XIX-й век?

Чудак, не XIX век! Окинув его взглядом, хотя и самым беглым, поверхностным, легко можно заметить в нем какую-то суету (). Настоящий век, пройдя впрочем уже полдороги, (?), что он голяк, что за 50 каких-нибудь лет (?) перепортил, — перевел и промотал все, что наживали минувшие века. () пора одуматься, что нужно пустить в ход ум, что без ума не будет никакого проку, что нужно остановить расточительность и убавить расходы, ограничить себя необходимым, приняться за существо вещей и разобрать их вчет, извлечь от всюду выгоду, а чтобы это сделать, нужно поучиться уму-разуму у других людей ().

17-е Августа.

Суббота.

На днях я познакомился с семейством Д. С. Советника Александра Григорьевича Милорадовича. Чудо — не семейство! С первого вечера я у них уже был как свой. Свобода, нестеснительность, благородный привет — и все хорошее. Таких людей не везде найдешь. Я в этом доме в течении этих последних 5-ти дней постоянно, ежедневно сижу с 3-х часов до 10-ти. Сижу и не томлюсь с делами, потому что тут нет того эксцентрического этикета, какой везде находишь у наших паршивых полупанков или голяк, полупромотавшихся помещиков. Сам Милорадович—Григорій Александрович, (?) сегодня был у меня дома, т. е. в квартире. Надеюсь, что чрез эти знакомства я приобрету некоторые книги.

Семейство Милорадовичей состоит из старика Ал. Григорьевича, старухи Софии Григорьевны, сына Григорія Александровича и двух дочерей — Алены и Анны Александровны. Скромность, меланхолизм и что-то странное в характере меньшей дочери удивляет меня. В выражении ея больших глаз и всего вообще лица видна какая-то дума, которою она крепко занята, и которая, кажется, давит ее, и не дает ей быть смелою, и развязною, и свободною ().

2-о Октября.

Среда.

Наконец моя судьба решена. Сегодня я получил письмо от отца Филиппа, в котором он извещает меня, что свадьба назначена на 27 число Октября, если что-нибудь не помешает отложить на 3 Ноября. Я был в странном состоянии духа, читал это письмо: дрожать не дрожал, но как будто охолол, душу и сердце как-то странно защемило болью и чем-то похожим на боязнь, но то была не боязнь, потому что я порою улыбался, и хотелось веселым быть. ().

8-е Октября.

Вторник.

Вчера с 5-ти часов пополудни у нас в городе ожидали Государя, ехавшего с Государынею из Киева. В 6-ть ударили в соборе в один колокол и звонили долго; город (?) 14-ю тысячами (?) и разноцветными фонарями (которые, впрочем, при их многочисленности наводили на все какой-то китайский характер), в некоторых местах поставлены были транспоранты. Еще предварительно в Губернском доме была приготовлена ему квартира с особенною половиною для Государыни. В уборе этой квартиры нашим Губернатором Д. С. Советником Шабельским употреблено было собственных денег 35 тысяч руб. серебром. Народ собирался копейками, на всех перекрестках по дороге проезда Государя часть народа стояла, зевая у транспорантов, часть собиралась близ Губернаторского дома, а часть спешила в собор. Туда пошел и я. В соборе было народу обоего пола 600 или более. Преосвященный сидел в одежде в соборе с 6-ти часов, с ним все городское и подгородское духовенство. Наконец, с 8-ми часов вдруг извещают, что в Троицы звонят во все колокола. Преосвященный отворил царские врата, вышел совершенно бледный на середину собора со всем духовенством, поместил его по левую сторону (?), раздвинул народ и вышел в корридор, в ожидании Государя. Там он стоял с полчаса, наконец извещают, что Государь проехал в квартиру и вечером не будет в соборе. Преосвященный, подернувшись краской и улыбаясь, начал уже раздеваться и уже почти разделся, народ стал выходить из собора, как вдруг в церковь опретью вбежал Представитель Казенной Палаты. () и объявил Преосвященному, что Государь сейчас будет. Все духовенство всполошилось. Преосвященный влопихах начал что-то делать, его кинулись одевать, бросали на него ордена (?)... между тем приехал чиновник от Губернатора и решительно сказал, что сегодня Государь не будет в соборе, а завтра, в 9 часов вечера. Все разошлись. Я прошел к дому Губернатора, но там ничего не было видно, потому что все окна были задернуты драпировками и народу стояла тьма, и чего-то ожидала; простояв там с час, я ушел домой.

23-е Ноября.

Пятница.

Давно я не веду моего дневника. Причина этому моя женитьба. 3-го Ноября сего года был мой вечный день (Воскресение). Много я перечувствовал и до венца, и во время венца, и после много встретил я радостей, но много тяжелого, тяжело на душе от чужих причуд и чужих влияний.

Эти дни в моем «Я» много чего отняли и много что привили. Много было случаев, которые интересны по своей щепетильной мелочности и странностям в некоторых лицах, и которые дали мне возможность иметь новые взгляды на вещи — пока мне не доведомые. В течении какой-нибудь недели или двух я крепко много видел, перечувствовал и пережил. Если бы стать писать обо всем — много бы нужно испортить бумаги и много бы потерять времени, но пусть лучше эти мои новые уроки в моем опыте жизненном останутся ведомы только мне, и пусть я один буду знать об этом, более никто. Прошлое я скоро забываю. ()

Я тешусь одним, что имею теперь доброго друга в моей жене. Дай только Бог, чтоб она сумела понять меня на столько, на сколько это нужно для нас обоих (). Меня пугает одна только мысль, если Таня скоро простынет сердцем, сделается равнодушнее, станет без участия ко мне. Что тогда будет со мною — я не знаю. Не дай Господь.

Лучше не жить или перестать жить раньше, чем позже все это встретить в том лице, которая избрана идти рука об руку чрез целую жизнь до самой могилы.---

Сегодня опять ярко светит солнце, небо чистое и голубое, снег, покрывший землю, тает.

Говорят, он (Государь-З. К.) ехал вместе с Государынею в одном экипаже, подъехав к квартире, не оставив экипажа, выскочил из него, подбежал к войскам, скомандывал. взял себе почетный караул и пешком почти пробежал меж нарядом до самого крыльца.

Этим 7 Октября и кончилось.

Сегодня народ опять у собора, и я; в собор пускали только в мундирах, но я расчел, что на дворе Государя можно видеть лучше, решил ожидать на паперти. Ожидали долго, народу пришла тьма. Наконец в одиннадцать часов затрезвонили в колокола, масса народа увеличивается каждую минуту, как волна волновалась на площади и паперти собора, вдруг прискакали жандармы (?), полиция, загудел народ; к воротам подъехал экипаж — и все сняли шапки. Народ замолк и, казалось, перестал дышать. Государь, сопровождаемый самим Губернатором и несколькими лицами из своей свиты, почти бегом перешел паперть, приветствуя народ поднимаем руки к каске.

В соборе було ужасно что трудно (). Преосвященный, говорят, очень громко (это особенность — он всегда говорит крепко тихо (Павел II, отпели молебен, указали Государю на (?) икону, пожалованную дворянами, за что Государь (?) и отблагодарил этим все Черниговское дворянство. Из собора Государь, предшествуемый Преосвященным, уже без каски шел тихо в теплый собор. Вот тут-то его можно было и разглядеть хорошенько. Собою высокий (он был выше всех нас), стройный, так он с круглым лицом, каким-то царским приятностроением, величественным взором; волосы курчавы немного, правя бровь порою слегка подвигалась вверх. Я лицо его крепко запомнил. (). Из собора (он ходил к Феодосію) он сел с Губернатором в коляску и поехал в Гимназію, потом — в острог, потом — в Богоугодное заведение и, наконец, — в квартиру. Государыни мне не пришлось видеть, крепко жаль. Через час глядели уже на Государя, как на обыкновенного Генерала. Говорят, будто Государыне понравился Чернигов; она ходила в казенный сад, в палисадник Губернатора и из собственных рук кормила там Губернаторских диких коз. ().

23-е Октября.

Среда.

Я читаю сказки казака Луганского¹⁷ (W часть), и они мне сильно понравились. Это сочинение дает мне яснейшее понятие о нашей славянской Мифологии и наших Русских богатырях. Жаль, что у меня нет первых трех частей этого сочинения.

КОМЕНТАРИ

1. Тетяна Пилипівна Долинська — донька козелецького священика Пилипа Івановича Долинського, а в майбутньому — дружина О. В. Шишацького-Ліліча.
2. Крестовский В. (псевдонім Надії Дмитрівни Хвощинської, 1824 — 1889) російської письменниці. Роман «Випробування» написано 1854 р.
3. Мається на увазі перша книжка поетичної збірки О. В. Шишацького-Ліліча «Українська квітка», яка вийшла 1856 р. у Чернігові. П. Куліш, про лист якого йдеться на тоді перебував у Петербурзі.
4. Мова йде про другу книжку «Української квітки».
5. Йдеться про поему «Олеся», яка увійшла до першої книжки «Української квітки».
6. Очевидно, мова йде про анонімну збірку народних пісень, що вийшла 1857 р. у Києві під назвою «Южнорусские песни с голосами». В альманасі «Рада» 1885 р. та в ряді інших видань авторство приписувалося П. Галаганові.
7. Вірогідно, що О. Маркевич редагував другу книжку «Української квітки».
8. На той час авторів щоденника йшов 29-й рік.
9. Мова йде про Пилипа Івановича Долинського — батька Тані.
10. «Галя простоволоса» — поема, що увійшла до другої книжки «Української квітки», яка з'явилася друком 1857 р. у Чернігові.
11. Володимир Круглевський — етнограф, поміщав свої матеріали у «Черниговских Губернских Ведомостях», приятель О. В. Шишацького-Ліліча.
12. Певно, йдеться про двотомну біографію М. В. Гоголя, яку підготував і видав 1856 р. у Петербурзі П. Куліш під назвою «Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя».
13. Згаданий лист зберігається у рукописному відділі Центральної наукової бібліотеки НАН України ім. В. І. Вернадського. — Ф. 63. Од. зб. 67.
14. На той час Куліш перебував у Петербурзі.
15. Катон Павлович Шабельський обійняв посаду губернатора Чернігівської губернії 24 квітня 1857 р. Він був людиною передових поглядів, сприяв розвитку газети «Черниговские Губернские Ведомости», всіляко підтримував О. В. Шишацького-Ліліча.
16. На тоді автор щоденника обіймав посаду редактора газети «Черниговские Губернские Ведомости».
17. Казак Луганский (псевдонім В. І. Даля), який у 1833—1839 рр. видав збірку казок у 4-х книгах під назвою «Были и небылицы», останню з яких, напевно, і читав О. В. Шишацький-Ліліч.

